

История любви, посвящается Джанет

«...Касательно же этой маленькой дамочки, то лучшее, что я могу ей пожелать, — это *немного несчастья*».

Уильям Мейкпис Теккерей

Благодарности

В течение тех четырех лет, что я писал этот роман, мне неоднократно приходилось совершать наезды в Амстердам, о которых я вспоминаю с удовольствием. Особую признательность за терпение и щедрость я должен выразить бригадиру Юпу де Гроту из Второго полицейского участка — без советов Юпа эта книга никогда не была бы написана. Я благодарен также за помощь Марго Альварес, ранее участвовавшей в работе «De Rode Draad»¹ — организации, борющейся за права проституток в Амстердаме. И более всего — за время и внимание, которые он отдал этой рукописи, — я хочу поблагодарить Роберта Амерлана, моего нидерландского издателя. Если говорить об амстердамской части моего романа, то я должен выразить этим трем амстердамцам огромную благодарность. Если мне удалось что-то передать правильно, то лишь благодаря этим людям, если же в романе есть какие-то ошибки, то вина за это лежит исключительно на мне.

Что же касается тех частей, действие которых происходит не в Амстердаме, то я полагаюсь на опыт Анны фон Планта из Женевы, Анны Фрейер из Парижа, Рут Гейгер из Цюриха, Харви Лумиса из Сагапонака и Алисон Гордон из Торонто. Я должен также отметить исключительное чутье к деталям, продемонстрированное тремя выдающимися помощниками: Льюисом Робинсоном, Даной Вагнер и Хло Бланд; я выражаю свою благодарность Льюису, Данае и Хло за безукоризненную точность их работы.

Одна деталь, о которой стоит упомянуть: глава, названная «Красно-синий надувной матрас», была ранее опубликована — в несколько иной форме и на немецком языке — в номере «Süddeutsche Zeitung» от 27 июля 1994 года под названием «Die blaurote Luftmatratze».

Дж. И.

¹ Красная нить (нидерл.).

I

Лето 1958

НИЧЕГО НЕ ПРИКРЫВАЮЩИЙ КОЛПАК

Однажды — ей было тогда четыре года, и она спала на нижней койке своей двухэтажной кровати — Рут Коул проснулась от страстных постанываний, доносившихся из родительской спальни. Эти звуки для нее были абсолютно внове. Рут только что перенесла грипп с желудочным осложнением и, впервые услышав, как ее мать занимается любовью, решила, что ее рвет.

Дело обстояло не так просто, как может показаться, поскольку у ее родителей были отдельные спальни; тем летом они даже спали в разных домах, хотя Рут второго дома никогда не видела. Ее родители по очереди ночевали в семейном доме с Рут. Поблизости находился и дом, который они арендовали, — там оставались отец или мать Рут, когда не ночевали с ней. То была одна из тех смешных договоренностей, к которым приходят расстающиеся, но еще не разведенные пары, пока они еще тешат себя мыслью, что детей и собственность можно поделить с великодушием и без скандалов.

Проснувшись от незнакомого звука, Рут сначала даже не могла понять, кого это рвет — то ли ее отца, то ли мать, но потом, несмотря на всю необычность этого звука, она различила в нем те печальные и затаенно истерические нотки, которые нередко слышались в голосе ее матери. А еще Рут вспомнила, что сегодня очередь матери оставаться с ней на ночь.

Родительская ванная отделяла комнату Рут от родительской спальни. Шлепая босиком по ванной, четырехлетняя девочка прихватила с собой полотенце (когда у нее был желудочный грипп, отец подкладывал полотенце, если ее рвало). «Бедная мамочка!» — думала Рут, неся ей полотенце.

В смутном лунном свете и еще более смутном и неровном свете ночника, установленного отцом Рут в ванной, Рут увидела

бледные лица своих мертвых братьев на фотографиях, висевших здесь на стене. Фотографии мертвых братьев висели в доме повсюду, на всех стенах. Хотя двое юношей погибли еще до рождения Рут (даже до ее зачатия), Рут казалось, что она знает их гораздо лучше, чем знает свою мать или отца.

Высокий, темноволосый, с квадратным лицом был Томас; даже в четыре года — в нынешнем возрасте Рут — у Томаса была красота лидера, в нем было этакое сочетание самообладания и криминальных наклонностей: не случайно в юном возрасте он держался с уверенностью человека куда более зрелого. (Именно Томас сидел за рулем той несчастной машины.)

Того, что помладше, с незащищенным выражением, звали Тимоти; хотя он был уже подростком, но сохранял лицо младенца и, казалось, вечно был чем-то испуган. На многих фотографиях у Тимоти был такой вид, будто он никак не может решиться на что-то, будто он постоянно устранился от выполнения какого-то невероятно трудного трюка, освоенного Томасом без всяких проблем. (В конечном счете выяснилось, что это Томас не сумел в достаточной мере освоить такой важной вещи, как умение водить машину.)

Войдя в родительскую спальню, Рут Коул увидела обнаженного молодого человека, пристроившегося сзади к ее матери. Он сжимал руками груди стоявшей на четвереньках по-собачьи матери и охаживал ее, но закричала Рут не потому, что испугалась насилия, и не потому, что сексуальный акт вызвал у нее отвращение. Четырехлетняя девочка не знала, что видит сексуальный акт, к тому же то, что делали молодой человек и ее мать, не показалось Рут чем-то совсем уж отвратительным. Напротив, Рут даже испытала облегчение, увидев, что ее мать не рвет.

И не нагота молодого человека исторгла из нее крик — она видела голыми отца и мать; Коулы не прятали наготы. Крик у Рут вызвал сам молодой человек, потому что она была уверена: это один из ее мертвых братьев. Он был так похож на Томаса — того, уверенного в себе, что Рут Коул решила, будто видит призрак.

Четырехлетний ребенок может испускать довольно пронзительный звук. Рут поразились той скорости, с какой оставил свою позицию молодой любовник — он и в самом деле отде-

лился от ее матери и кровати с таким ужасом и проворством, что казалось, его подхватил смерч или в него попало пушечное ядро. Он налетел на ночной столик и, пытаясь скрыть свою наготу, сорвал колпак со сломанного ночника. В таком виде он показался Рут призраком не таким грозным, как поначалу, к тому же Рут, рассмотрев его получше, узнала в нем парня, который занимал самую дальнюю гостевую комнату, парня, который водил автомобиль ее отца, — мать говорила, что он «работает на папочку». Один или два раза парень отвозил Рут и ее няньку на пляж.

В то лето у Рут сменились три няньки, и все они говорили, что парнишка этот ужасно бледен, но мать сказала Рут, что некоторые люди просто не выносят солнца. Девочка до этого, конечно же, никогда не видела парня голым, но все равно теперь она поняла, что это Эдди и что никакой он не призрак. И тем не менее четырехлетняя девочка снова закричала.

Вид у ее матери, все еще стоявшей в собачьей позе на кровати, был спокойный, как обычно, — она лишь смотрела на дочь с выражением неодобрения, пронизанного отчаянием. Прежде чем Рут закричала в третий раз, мать сказала ей: «Не кричи, детка. Это всего лишь мы с Эдди. Возвращайся в кроватку».

Рут Коул сделала, что ей было сказано, снова прошла мимо этих фотографий, у которых вид теперь был более призрачный, чем у грешного призрака, любовника ее матери. Эдди, пытаясь спрятаться за колпаком ночника, не отдавал себе отчета в том, что сквозь этот самый колпак, открытый с обеих сторон, Рут прекрасно видит его опадающий пенис.

Четыре года — слишком юный возраст, чтобы Рут могла запомнить Эдди или его пенис в каких-либо подробностях, но Эдди запомнил ее. Тридцать шесть лет спустя, когда ему будет пятьдесят два, а Рут — сорок, этот злосчастный молодой человек влюбится в Рут Коул, но даже и тогда он не пожалеет, что спал с ее матерью. Но, к сожалению, то уже будет проблема самого Эдди. А эта история — про Рут.

То, что Рут Коул стала писательницей, никак не было связано с ожиданиями ее родителей, которые хотели третьего сына; скорее уж источником писательского воображения Рут стало

то, что она выросла в доме, где присутствие ее братьев на фотографиях ощущалось гораздо отчетливей, чем присутствие матери или отца, и то, что, когда мать бросила и ее, и ее отца (забрав с собой почти все фотографии своих погибших сыновей), Рут нередко спрашивала себя, почему ее отец не вытащил из стен все эти гвоздики, оставшиеся от снятых фотографий. Отчасти из-за этих гвоздик она и стала писательницей — в течение многих лет, после того как мать бросила ее, она пыталась вспомнить, на каком гвоздике висела какая фотография. А когда ей не удавалось точно восстановить в памяти эти фотографии, Рут принималась выдумывать все остановленные мгновения их коротких жизней, закончившихся до ее появления на свет. Томас и Тимоти погибли еще до ее рождения, и это тоже отчасти повлияло на то, что она стала писательницей. Сколько она себя помнила — она всегда была вынуждена воображать их.

Это была одна из тех автомобильных катастроф, в которых гибнут подростки или юноши и после которых выясняется, что оба погибших были «хорошими ребятами» и ни один из них не пил перед поездкой. Но хуже всего было то (к нескончаемым душевным терзаниям супругов Коул), что Томас и Тимоти оказались в этой машине и именно в это время из-за совершенно необязательной и глупой ссоры своих матери и отца. Несчастливым родителям всю последующую жизнь являлись трагические последствия их пустяжного спора.

Впоследствии Рут сказали, что зачата она была во время бесстрастного, хотя и основанного на благих намерениях акта. Родители Рут ошибались, когда думали, будто их погибших сыновей удастся кем-то заменить, к тому же они даже не давали себе труда задуматься над тем, что новый ребенок, на которого будет возложено все бремя их невозможных ожиданий, может оказаться девочкой.

То, что Рут Коул выросла и превратилась в такое редкое сочетание, как уважаемый романист и в то же время автор международных бестселлеров, менее примечательно, чем тот факт, что она выросла вообще. Эти красивые мальчики на фотографиях взяли на себя почти всю любовь матери, но для нее неприязнь матери была гораздо выносимее, чем лед отношений между родителями, в холоде которого она росла.

Тед Коул, автор и иллюстратор детских бестселлеров, был красивым мужчиной, которому гораздо легче удавалось писать и иллюстрировать книги для детей, чем ежедневно исполнять родительские обязанности. И пока Рут не исполнилось четыре с половиной года, Тед если и не был пьян постоянно, то нередко выпивал слишком много. Верно также и то, что, если Тед не был бабником каждую минуту своей жизни, в жизни он не знал такого периода, когда его нельзя было бы назвать бабником. (Эта черта делала Теда более ненадежным с женщинами, чем с детьми.)

Тед стал детским писателем вынужденно. Литературным его дебютом был перехваленный роман для взрослых, явно не чуждый литературных изысков. Два следующих романа не стоят того, чтобы о них упоминать, разве в том плане, что никто (а в особенности издатель Теда) не проявлял заметного интереса к его четвертому роману, который так никогда и не был написан. Вместо четвертого романа он написал первую книжку для детей. Книжка эта называлась «Мышь за стеной», и то, что ее напечатали, было делом случая; на первый взгляд она, казалось, принадлежала к тому разряду детских книг, которые для взрослых не лишены двусмысленной притягательности, а дети запоминают их потому, что дети не забывают испуга. По крайней мере, Томас и Тимоти испугались, когда Тед впервые рассказал им эту историю — про мышь, живущую за стеной. К тому времени, когда Тед прочел эту книжку Рут, «Мышь за стеной» успела испугать от девяти до десяти миллионов детей по всему миру, говорящих более чем на тридцати языках.

Как и ее погибшие братья, Рут выросла на историях отца. Когда Рут впервые прочла эти истории в книге, у нее было такое ощущение, будто кто-то вторгся в ее частный мир. Она всегда считала, что отец придумывал эти истории для нее одной. Позднее Рут спрашивала себя, не чувствовали ли того же самого и ее братья — что и в их частный мир вторгся кто-то чужой.

Что можно сказать о матери Рут? Марион Коул была красивой женщиной. Еще она была хорошей матерью — по крайней мере до рождения Рут. А до смерти своих любимых сыновей она, несмотря на бесконечные измены мужа, была к тому же преданной и верной женой. Но после той катастрофы, в которой

погибли ее дети, Марион стала другой, далекой и холодной. К дочери она выказывала неприкрытое безразличие, а потому Рут относительно легко было отказаться от нее. Рут куда труднее было осознать пороки своего отца; ей потребовалось для этого немалое время, а когда это все же произошло, было уже слишком поздно — целиком и полностью отвернуться от отца она не могла. Она была очарована Тедом — Тедом, до определенного его возраста, очаровывались почти все. Никто никогда не очаровывался Марион. Бедняжка Марион и не пыталась никогда никого очаровать, даже свою дочь; и все же любить Марион Коул было вполне возможно.

И тут-то в этой истории и появляется Эдди — парнишка с ничего не прикрывающим колпаком. Он любил Марион — он любил ее всю жизнь. Естественно, что если бы он с самого начала знал, что влюбится в Рут, то он бы дважды подумал, прежде чем влюбиться в ее мать. А может, и нет. Это было выше его сил.

ЛЕТНЯЯ РАБОТА

Его звали Эдвард О'Хара. Летом 1958 года ему недавно исполнилось шестнадцать лет — наличие водительских прав было непременным условием приема на его первую летнюю работу. Но Эдди О'Хара и не подозревал, что истинная его летняя должность будет называться «любовник Марион Коул»; Тед Коул и нанял его с этой целью, и этот шаг имел далеко идущие последствия — на всю жизнь.

Эдди было известно о трагедии в семье Коулов, но разговоры взрослых интересовали его (как и всех юнцов) лишь эпизодически. Он закончил второй курс Экзетерской академии Филиппса¹, где его отец преподавал английский и литературу. Через академию Эдди и получил эту работу. Отец Эдди истово верил в связи академии. Сначала ученик, а потом и преподаватель академии, старший О'Хара никогда не отправлялся в отпуск

¹ Привилегированное частное учебное заведение, школа-интернат для 9–12 классов, расположено в городке Экзетер, штат Нью-Гемпшир, в пятидесяти милях от Бостона. Основано в 1781 году коммерсантом Джоном Филиппсом, чье имя и носит.

без довольно захватанного «Справочника академии». С его точки зрения, выпускники академии на всю жизнь становились носителями некой ответственности — они доверяли друг другу и по возможности оказывали друг другу услуги.

Академия считала, что Коулы и так уже проявили к ней щедрость. Их погибшие сыновья хорошо учились и пользовались успехом у товарищей. Несмотря на свою скорбь, а возможно, и благодаря ей Тед и Марион Коул ежегодно оплачивали услуги нештатного профессора, читавшего лекции по английской литературе — любимому предмету Томаса и Тимоти. «Мятный» О'Хара — как называли О'Хару-старшего бесчисленные выпускники и ученики, — давая уроки, неизменно сосал мятные леденцы, освежающие дыхание, и горячо любил зачитывать любимые пассажи из рекомендованных им к чтению книжек. Так называемые «Лекции Томаса и Тимоти Коулов» были идеей Мятного О'Хары.

И когда Эдди высказал отцу пожелание относительно первой своей летней работы (а хотел он устроиться секретарем *к писателю* — шестнадцатилетний мальчишка давно уже вел дневник, а недавно написал несколько рассказов), старший О'Хара недолго думая открыл «Справочник академии». Вообще среди выпускников (а Томас и Тимоти поступили в академию именно потому, что Тед был ее выпускником) академии Том Коул был не единственным писателем, но Мятный О'Хара, который всего четырьмя годами ранее сумел убедить Теда Коула расстаться с восьмьюдесятью двумя тысячами долларов, знал, что Тед легко поддается уговорам.

— Платить ему хоть сколько-нибудь серьезные деньги вовсе не обязательно, — сказал Мятный Теду по телефону. — Парнишка может печатать для вас на машинке, отвечать на письма, быть у вас на побегушках — все, что захотите. Главным образом это для того, чтобы он набрался опыта. То есть, я хочу сказать, если он собирается стать писателем, то должен знать, как писатель работает.

Тед по телефону отвечал уклончиво, но вежливо; к тому же он был пьян. У него для Мятного О'Хары было другое прозвище — Тед называл его «Настырный». То, что сделал Настырный О'Хара, было и в самом деле вполне в его духе: он указал,

где находятся фотографии Эдди в ежегодной книге академии 1957 года.

В первые несколько лет после гибели Томаса и Тимоти Коулов Марион просила присылать ей ежегодники академии. Если бы Томас и Тимоти не погибли, то первый стал бы выпускником 54-го, а второй — 56-го года. Но теперь, стараниями Мятного О'Хары, который включил Коулов в рассылочный список (Мятный полагал, что таким образом избавляет Марион от излишних переживаний, неизбежных, если ей придется самой обращаться к нему с этой просьбой), выпускная книга приходила к Коулам ежегодно, даже после того, как прошли выпускные года Томаса и Тимоти. Марион продолжала внимательно изучать книги — она неизменно поражалась сходству отдельных лиц с лицами ее сыновей, хотя после рождения Рут и перестала указывать на эти похожие черты Теду.

На страницах выпускной книги 1957 года Эдди О'Хара стоял в первом ряду на фотографии членов Младшего дискуссионного клуба. Эдди был одет во фланелевые брюки, твидовый пиджак, полосатый галстук и был бы совершенно незаметен среди других, если бы не поразительная откровенность его лица и торжественное предчувствие какой-то будущей печали в его больших темных глазах.

На этой фотографии Эдди был на два года моложе, чем Томас, и того же возраста, что и Тимоти в момент их гибели. И тем не менее Эдди был больше похож на Томаса, чем на Тимоти. Еще больше на Томаса он был похож на фотографии Туристического клуба, где кожа у Эдди казалась почище, а выражение лица было увереннее, чем у большинства других мальчишек, которые обладали тем, что Тед Коул назвал бы стойким интересом к улице. Еще один — и последний — раз Эдди появлялся в книге 1957 года на фотографии двух юниорских спортивных команд: юниорской команды бегунов по пересеченной местности и юниорской команды бегунов по гаревой дорожке. Худоба Эдди наводила на мысль, что бегают парнишка скорее из нервозности, чем ради удовольствия, и что бег, вероятно, его единственное спортивное увлечение.

Тед Коул с напускным безразличием показал эти фотографии юного Эдварда О'Хары своей жене.

— Парнишка вроде похож на Томаса, как ты думаешь? — сказал он.

Марион уже видела эти фотографии — она самым внимательным образом просматривала все фотографии в ежегодниках академии.

— Да, немного, — ответила она. — А что? Кто это?

— Он ищет летнюю работу, — сказал ей Тед.

— У нас?

— У меня, — сказал Тед. — Он хочет стать писателем.

— А что он будет у тебя делать? — спросила Марион.

— Я полагаю, главным образом он хочет набраться опыта, — сказал ей Тед. — То есть коли он решил, что хочет стать писателем, то должен узнать, как писатель работает.

Марион, которая всегда хотела стать женой писателя, знала, что муж ее не утруждает себя работой.

— Но что именно он будет делать?

— Ну...

У Теда была привычка оставлять предложения и мысли незаконченными, неполными. Он делал это намеренно, однако сам не отдавая себе в этом отчета: это был элемент его уклончивой манеры поведения.

Перезвонив Мятному О'Харе с предложением работы для его сына, Тед первым делом спросил, есть ли у Эдди водительские права. Тед второй раз был осужден за вождение в пьяном виде и на лето 58-го остался без прав. Он надеялся, что лето может стать самым подходящим временем для того, чтобы (как он это называл) «для пробы разделиться» с Марион, но если он собирался снять поблизости дом и одновременно разделять семейный дом (и Рут) с Марион, то ему нужен был водитель.

— Конечно, у него есть права! — сказал Мятный, и таким образом судьба мальчишки была решена.

А вопрос Марион о том, чем именно будет заниматься Эдди О'Хара, остался в подвешенном состоянии, как это часто делал Тед Коул, оставлявший вещи в подвешенном состоянии, а точнее — в неопределенно подвешенном. А еще он оставил Марион сидеть с открытым ежегодником академии на коленях — он нередко ее так оставлял. Он не мог не заметить, что фотография Эдди в спортивном костюме приковала к себе внимание

Марион. Длинным розовым ногтем своего указательного пальца Марион обводила контуры голых плеч Эдди — движение это было неосознанным, но в высшей степени сосредоточенным. Тед поневоле задавался вопросом, не осознает ли он лучше, чем сама бедняжка Марион: она все более одержима мальчиками, похожими на Томаса или Тимоти. В конечном счете ведь она еще не спала ни с одним из них.

Эдди стал единственным, с кем она спала.

ШУМ — СЛОВНО КТО-ТО СТАРАЕТСЯ НЕ ШУМЕТЬ

Эдди О'Хара мало прислушивался к непрекращающимся в Экзетере разговорам о том, как Коулы «справляются» с трагической гибелью сыновей; даже пять лет спустя после той катастрофы эта тема была главной на приемах, организуемых от имени факультета Мятным О'Харой и его жадной до сплетен женой. Мать Эдди звали Дороти, но все (исключая отца Эдди, который не любил прозвища) называли ее Дот.

Слухи Эдди пропускал мимо ушей. Он был прилежным учеником — парнишка усердно готовился к летней работе в качестве секретаря писателя, и это казалось ему делом поважнее, чем запоминать газетные отчеты о трагедии.

Если Эдди и упустил известие о том, что Коулы родили еще одного ребенка, то эта новость не прошла мимо Мятного и Дот О'Хары: того факта, что Тед Коул был выпускником академии (1931 года), а два его сына во время гибели числились ее учениками, было достаточно, чтобы *все* Коулы всегда оставались в сфере внимания Экзетера. Более того, Тед Коул был знаменитым экзонианцем¹, и его слава производила сильное впечатление если не на Эдди, то на старших О'Хара.

Тот факт, что Тед Коул был одним из самых известных детских писателей Северной Америки, определил особый интерес прессы к трагедии. Как известный автор и иллюстратор детских книг «справляется» со смертью собственных детей? А репортажам, носящим такой личный характер, всегда сопутствуют

¹ Принятое название выпускников и учащихся Экзетерской академии.

слухи. Из членов преподавательских семей академии, пожалуй, только Эдди О'Хара не обращал на эти слухи особого внимания. Он определенно был единственным жителем Экзетера, прочитавшим все, написанное Тедом Коулом.

Большинство людей поколения Эдди (плюс полпоколения до и после него) прочли «Мышь за стеной» или (что более вероятно) прослушали ее в том возрасте, когда еще не умели читать. Преподаватели и ученики академии по большей части читали и другие детские книги Теда Коула. Но трех взрослых романов Теда никто в Экзетере не читал; с одной стороны, их уже не было в продаже, а с другой — их качество оставляло желать лучшего. Тем не менее, будучи преданным экзонианцем, Тед Коул подарил библиотеке академии по экземпляру первых изданий своих книг и оригинальные рукописи всего, что им было написано.

Эдди мог бы узнать больше из слухов и сплетен (по крайней мере, «больше» в смысле подготовки к предстоящим ему трудам его первой летней работы), но страсть Эдди к чтению лишней раз свидетельствовала о том, насколько серьезно парнишка готовился к роли секретаря писателя. А вот чего Эдди не знал, так это того, что Тед Коул уже становится *бывшим* писателем.

Теда хронически тянуло к молодым женщинам: Марион было всегда семнадцать и она уже была беременна Томасом, когда Тед женился на ней. Самому Теду тогда было двадцать три. Беда была в том, что, по мере того как Марион становилась старше (правда, при этом она неизменно оставалась на шесть лет моложе Теда), интерес Теда к молодым женщинам не проходил.

Тяга пожилых мужчин к невинным девочкам была предметом, с которым шестнадцатилетний Эдди О'Хара сталкивался только в романах, и стеснительно-автобиографические романы Теда Коула не были из первых или из лучших, прочитанных Эдди на эту тему. Тем не менее сдержанное отношение, которое вызвали у этого паренька труды Теда Коула, ничуть не уменьшило его желание стать секретарем Теда. Ведь можно научиться искусству или мастерству и у того, кто сам вовсе не является мэтром. В конечном счете Эдди многому научился в академии у самых разных учителей, большинство из которых были первоклассными специалистами. Лишь немногие из преподавателей